

О самодостаточной научности вне связи с Первообразом

Возможно ли, не фантастично ли таковое: икона, её стилистика, эстетика, художественность – вне связи с Первообразом, - как некий обособленный самодостаточный предмет – предстаёт для нашего рассмотрения и заинтересованности. Возможно ли: наше рассматривание образа, увлечённость им, как предметом эстетического наслаждения или научного интереса, профессиональной деятельности - вне неперемного пробуждения образа Божьего в нас, вне нашей связанности с Творцом, без личной нашей, лично во мне, - пребывающей и реализующейся – религии. Возможно ли перед образом помышлять о личном сущностном приближении к Первообразу, как о делании, не имеющем отношения к искусствоведению, но о стяжании ведения Бога Истинного – единственной истинной Ценности в предмете искусства... Возможно ли вообще ведение образа вне ведения Бога, действительно проникновенное ведение искусства вне Боговедения. Слишком тонка грань между почитанием образа и исследовательским вниманием к нему, - и грань эта проложена, как видится, во глубине человеческого сердца, в сокровенном внутреннем человеке, предстоящем Творцу перед образом или вне его. Ищет ли, жаждет ли человек, стучится ли в образную дерь молитвой, вслушивается ли в тишину умолкающего стука, поджидая ответа... Или же любит узорочьем на этой двери, замирает перед нею в любовании, в изучении... не побуждая себя любопытством к Тому, Кто – там, за дверью этой... будто бы сама затворённая дверь - безусловная и единственная ценность. Ужели возможно зачарованному одною только красотой образа, его художественной самоценностью – своими усилиями – извне отворить эту дверь, продолжить путь этот мост-символ и, уже не оглядываясь, – двинуться далее... Ведение об образе вне жажды к живому движению сквозь образ, ввиду образа или уже вне видимости его, - если не предосудительно, то бессмысленно, соблазнительно. Образ Божий, как ни странно это, – может быть предметом преткновения на пути, если образ заслоняет собою Цель – Христа, если образ становится идолом, предметом поклонения, превыше почитания. Готов ли человек, возлюбивший образ паче Первообраза, – готов ли таковой человек ради Бога - любовно отрешиться от образа, воздав ему должное, - двинуться далее, преодолев символ, к соединению с Единым. Готов и возможен ли... Верую, что ответною милостью Господней – уготовится и – сможет – образно - пройти через икону, как сквозь посредствующую дверь, хотя бы имея её в виду. К чему бы тогда нам всё наше это иконо-ведение, подобное игре изошрённого, заострённого и опытного ума, наученной души, натренированного истончённого вкуса и благоприобретённой особенной чувствительности перед изображением. Самая истончённая в чувствительности душа, будучи замкнутой внутри своих ощущений, останется бесконечно далека от Бога, услаждаясь перед изображённым, удовлетворяя себя перед видимым, утверждая себя в правоте и истине суждений в кругу едино-мысленников, коллег – согласных и конгениальных в едином эстетическом – профессиональном (само?) – любовании пред образом, в любовании неоспоримой красотой изображённого. Возможно ли так - увидеть хоть бы отсвет сокровища преподнесённого образом и остановиться перед ним... и если возможно – удовлетворимся ли мы - этим. Услышав призыв Господний – замрём ли в недвижимом и бездейственном наслаждении звуками, смыслами, про-изнесёнными Им, занимая себя из-учением и дальнейшим бесконечным осмысливанием услышанного – в стране далече, паче самого движения в объятия Отчие... Ужели действительно – почитаем теперь стыдным это движение, не профессиональным этот отклик, как сугубо-личное дело

каждого перед Богом, как дела, не имеющего ничего общего с некоей идоложертвенной научностью, – удалённой на-ученностью, надмевающей себя над этим живым призывом.

Образ, как предмет искусства, предмет исторического наследия, художественный артефакт... и всё? С великой осторожностью – помышляем о большем, умеряя дерзновение, охлаждая пыл, любуясь – любим и жаждем большего. Уверяемы о большем, о пре-восходящем всяческий образ вне-образном и не-изобразимом Творце, о любви Отеческой, о тайне Троической, о преизобилии нисхождения к нам благодати и нашем совершеннейшем неразумии, недо-умении перед ней, о нашем недостойнстве и непомерной замкнутости в кокон греха, об абсолютном неумении и недостойнстве к распознаванию, вос-приятию, стяжанию. Останавливаемся пред образом, перед его неопикуемой, несказанной красотой, великолепием, превьшеестественной эстетичностью и жаждем самого превьше – естественного. Жаждем Того, не зная о Ком просим. Не к пробуждению ли этой жажды, этого воспламенения, горения в сухой гортани, этого тихого живого приникания и проникновения – открывается перед нами призывный образ. Приникаем – устами, стучим сердечным биением, зовём воздыханиями молитв - перед ним, обращаем себя к нему, освежая, омывая, собирая им свой рассыпающийся и мельчающий взор и чувственную энтропию. И – откликается образом Первообраз – Бог, откликается откровением красоты, исподволь – ободряются и возгреваются чувства наши, неведомо откуда, от Кого? - возбуждаются к молитве... Единственно к этому – восстаёт образ перед нами, вокруг нас... и внутри.

Без дел вера мертвенна, без молитвы – пуста, как любовь без евангельского плода – не любовь вовсе, но страстное возбуждение... Из личного опыта, только из него одного – возможно свидетельствовать об уверении своём, проявленном Господом через Его образ... из личного опыта – свидетельствуем об одной только жажде уверения... о немощи веры, особенно явственной немощи перед образом великим, чудотворным... из личного опыта – свидетельствуем перед образом и о Господе, сокровенном от нас, о Боге, молчаливом перед нами... - передо мной, грешным.

